

УДК 378.1(091)(476)

О ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*С. Ф. Шимукович*

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

Проведен анализ существовавшей в XIX в. инфраструктуры высшего образования на белорусских землях. Рассматривается специфика деятельности высших учебных заведений, условия их ликвидации. Рассматриваются планы по открытию в белорусском регионе высших учебных заведений в XIX – начале XX в. и анализируются причины, по которым данные проекты не были реализованы.

Ключевые слова: Виленский университет, научная элита, белорусские земли, XIX век, белорусский национальный проект.

ON HIGHER EDUCATION IN BELARUSIAN LANDS IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES*S. Shymukovich*

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

The article analyzes the infrastructure of higher education that existed in the 19th century on Belarussian lands. The specifics of the activities of higher education institutions, the conditions for their liquidation are considered. The consider plans to open higher education institutions in the Belarussian region in the 19th – early 20th centuries and analyze the reasons why these projects were not implemented.

Key words: University of Vilno, scientific elite, Belarussian lands, XIX century, Belarussian national project

Итогом XIX века стало появление современных наций на обломках господствовавших в предшествовавший период империй. Процессы формирования национальных проектов тесным образом связаны с активностью разнообразных групп национальной элиты, прежде всего научной, обосновывавшей право определенной общности на самоопределение; политической, непосредственно реализовывавшей данный проект; экономической элиты, которая изыскивала средства на реализацию проекта и др. Четких разграничительных линий между группами элит обычно не существует, однако каждая группа имеет свои формы инфраструктуры, в рамках которых наиболее эффективно проходит их деятельность. Интеллектуальная научная элита наиболее полно раскрывает свой потенциал в рамках научных и образовательных учреждений, в первую очередь действующих в систему высшего образования.

В связи с этим наличие учреждений высшего образования, прежде всего университетов, в регионах с национальной спецификой, предоставляло региональным элитам значительные возможности в рамках нациепроектной деятельности. В XIX в. университеты в Российской империи выполняли роль официального государственного учреждения, административного центра учебного округа, на который возлагались как цели подготовки квалифицированных кадров для системы управления, так и задачи по культурной унификации имперского пространства. Университеты являлись местом концентрации интеллектуальной элиты региона, здесь осуществлялось воспроизводство региональных элит. Наличие в конкретном регионе университета позволяло минимизировать издержки для местных инициативных представителей сообщества получить образование и воспользоваться возможностями социального лифта для собственной программы социального роста. Университеты формировали вокруг себя особое качество информационного пространства и формировали разнообразные информационные каналы, посредством которых распространялась информация, имеющая не только важное научное значение, но и несущая определенное социальное, политическое значение, что имело следствием концентрацию социальной активности вокруг этих объектов интеллектуальной инфраструктуры.

Наличие в университетах мощного интеллектуального потенциала стимулировало потребность во всестороннем изучении особенностей региона, в том числе его географических, природных, климатических, экономических, этнографических особенностей. Как правило, это имело следствием разработку разнообразных проектов регионального развития, в том числе часть профессуры принимали участие в процессах конструирования современных наций.

В рассматриваемый нами период в белорусском регионе действовало несколько учреждений высшего образования, это Виленский императорский университет (1803–1832), при этом осколки университета – Медико-хирургическая и Духовная академии продержались в Вильно до начала 1840-х гг., Полоцкая иезуитская академия (1812–1820), Горы-Горецкий земледельческий институт (1848–1863). Как видим, система высшего образования была ликвидирована уже в середине века, при этом наиболее болезненной потерей стало закрытие именно Виленского университета, самого крупного в империи.

Так, автором по итогам обработки специализированных биографических изданий и справочников выявлено около двухсот профессоров родом из белорусского региона, работавших на протяжении всего

XIX и начала XX в. в российских императорских университетах. При этом в Виленском университете на протяжении неполных тридцати лет его существования (1803–1832) их было 38. Стоит отметить, что в столичном Петербургском университете за почти сто лет его существования в статусе императорского удалось выявить только 36, а в отдаленном Казанском – 32 преподавателей – уроженцев белорусского региона. Это показывает значение Виленского университета именно как места сосредоточения региональной интеллектуальной элиты и потенциального научного центра изучения и формулирования региональной повестки.

Благодаря активным усилиям попечителя округа А. Чарторыйского университет стал мощным центром колонизации белорусского региона, однако параллельно в университете наблюдается интереснейшая тенденция роста интереса именно к региональной местной проблематике, что объективно противоречило программе на ускоренную польскую унификацию белорусских земель и приоритетного формирования в местной шляхте «польского» патриотизма в ущерб «литвинскому». Эти региональные тенденции четко прослеживаются в деятельности общества филоматов, а также в профессиональной деятельности ряда профессоров университета – местных уроженцев (М. К. Бобровский, И. Н. Данилович, И. Б. Ярошевич, И. З. Онаевич и др.), которые сформировали ярко выраженную литвинскую (ее можно рассматривать как раннебелорусскую) идентичность и продвигали ее среди студентов университета.

Ликвидация Виленского университета по итогам восстания 1830–1831 гг., а затем и других менее значимых учреждений высшего образования резко ограничило возможности для развития региональных исследований и формулирования разнообразных региональных проектов развития.

При этом центральное правительство рассматривало возможность открытия высшего учебного заведения именно на белорусских землях взамен закрытого университета, в частности проект высшего лица в Орше был высочайше одобрен, т. е. не встретил формального противодействия. Препятствием его открытию стали в первую очередь финансовые проблемы, так как правительство значительные средства направило на открытие университета в Киеве (он должен был заменить Виленский). Необходимо отметить, что открытие большей части университетов и институтов в империи следовало первоочередным интересам государства и соответственно, полностью финансировалось из бюджета. Однако некоторые университеты были открыты вследствие активного лоббирования данных проектов со стороны местных элит (Харьков, Саратов, Томск, Новороссийск), причем данные усилия сопровождалось огромными частными пожертвованиями, которые закрывали нередко большую половину расходов на открытие и дальнейшее содержание учреждений образования.

К сожалению, в белорусском регионе не удалось обнаружить подобной общественной активности в отношении лица в Орше. Возможно, это объясняется тем, что вновь открываемое учреждение образования правительством планировалось максимально оградить от «польского» влияния, сделать инструментом имперской унификации и располычивания края, в то время как наиболее состоятельные представители местной аристократии руководствовались противоположными целями и не готовы были финансировать идеологически чуждый им образовательный проект.

Таким образом, после 1832 г. белорусские земли лишились мощного интеллектуального центра притяжения и воспроизводства региональных элит в лице Виленского университета. Условия для самореализации региональных интеллектуальных и научных элит усложнились, что повлияло на ее количественные показатели, в частности, это выразилось в уменьшении числа уроженцев белорусского региона, преподававших в высших учебных заведениях империи на должностях доцентов и профессоров. Только во второй половине XIX в. увеличивается число профессоров родом из белорусских земель в российских университетах и институтах. На время Великой российской революции 1917 г. около 50 человек были профессорами в университетах империи.

Уроженцы белорусских земель, преподаватели в имперских учреждениях образования, за крайне редким исключением, не сформировали идентичности, связанные с этнокультурными маркерами современной белорусской нации. Об этом говорят их линии поведения в период российских революций и создания научной и образовательной инфраструктуры в Советской Беларуси в 1920-х гг. Основная часть профессуры осталась работать в российских советских университетах и институтах (около 30), часть профессоров не приняла новую власть и эмигрировала (примерно 13). Сознательно приехали в Минск участвовать в создании белорусской национальной системы высшего образования и науки только пять человек (М. В. Довнар-Запольский, Е. Ф. Карский, Н. Н. Кравченко, Б. И. Эпимах-Шипило, С. М. Рубашов), при этом спустя некоторое время и они вынуждены были покинуть Минск по разным причинам.

В целом отсутствие научных центров и учреждений высшего образования затруднило и замедлило процессы конструирования белорусской современной нации (по сравнению с украинским национальным проектом). Преподаватели российских университетов и иных учреждений высшего образования, родившихся в белорусском регионе, но состоявших за его пределами, в массе своей стали «потерянным ресурсом» для белорусского национального проекта.